

РАЗБОРЪ ДИССЕРТАЦІИ.

Въ юридическій факультетъ Университета Св. Владимира.

По порученію факультета, я разсматривалъ сочиненіе профессора Ренненкампа »Очерки юридической энциклопедіи«, представленное имъ для полученія степени доктора.

Въ сочиненіи семь, опредѣливъ понятіе и значеніе юридической энциклопедіи (стр. 1 и 2) и изложивъ обстоятельно исторію ея какъ за границею, такъ и у насъ, авторъ излагаетъ свой предметъ въ двухъ раздѣлахъ.

Раздѣлъ первый, болѣе значительный по объему и болѣе существенный по содержанію, говоритъ о правѣ. Матеріи, сюда относящіяся, распределены въ четырехъ главахъ. Въ первой (стр. 22—28) разсматривается существо права; во второй (стр. 29—187)—образование права, такъ-называемые источники права и ученіе о правахъ; въ третьей (стр. 168—191) говорится о правонарушеніяхъ, и наконецъ въ четвертой (стр. 192—242)—о системѣ права.

Второй раздѣлъ (стр. 243—318) трактуетъ о правовѣдѣніи. Онъ состоитъ изъ трехъ главъ. Первая (стр. 243—260)—понятіе о наукѣ вообще и отличіе наукъ физическихъ отъ гуманитарныхъ; вторая (стр. 215—289)—о научныхъ методахъ и о теоріи и практикѣ; третья (стр. 290—313)—о системѣ правовѣдѣнія.

Юридическія энциклопедіи раздѣляются обыкновенно на двѣ части: общую и особенную. Предметъ первой составляетъ изложеніе общихъ понятій о правѣ; во второй предлагается обзоръ отдельныхъ отраслей правовѣдѣнія. Такого болѣе или менѣе расположеніе замѣчательнѣйшихъ новѣйшихъ юридическихъ энциклопедій: Варнеенига,

Аренса, Вальтера; таково расположение и «Энциклопедии законовѣдѣнія» Неволіна.

Авторъ отступаетъ отъ этого порядка. Главнѣйшія положенія всѣхъ отраслей права онъ вноситъ въ общую часть и тѣмъ самымъ особенную дѣлаетъ излишнею.

По моему мнѣнію, это расположение предмета имѣетъ очень хорошую сторону. Въ энциклопедіяхъ, раздѣляющихся на двѣ части, обзоръ особыхъ отраслей права, предлагаемый отдѣльно, обыкновенно расширяется чрезъ мѣру и выходитъ далеко за предѣлы энциклопедическаго изложенія. Оттого общая часть, составляющая собственно главный отдѣлъ, является только какъ-бы введеніемъ въ особенную. Порядокъ, принятый авторомъ, устраняетъ это; онъ удерживаетъ отъ увлеченія къ безмѣрному расширенію обзора особыхъ отраслей права и сохраняетъ симметричность сочиненія.

Нѣкоторые отдѣлы своего сочиненія авторъ обработалъ съ особенною любовью. Сюда относится статья объ источникахъ права, которая отличается безукоризненною полнотою.

По нѣкоторымъ вопросамъ авторъ указываетъ новыя, по крайней мѣрѣ у насъ, точки зрѣнія. Такъ онъ говоритъ, что «практика со всею ея техникою можетъ быть съ успѣхомъ изучаема только на самой практикѣ, посредствомъ упражненій въ дѣйствительныхъ приложеніяхъ», и на этомъ основаніи онъ осуждаетъ стремленіе переносить изученіе юридической практики въ школу (стр. 281).

У насъ дѣйствительно существуетъ такое стремленіе, и, если я не ошибаюсь, авторъ первый поднимаетъ противъ него голосъ. Мысль его въ семъ случаѣ заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Разсматриваемое однакожь въ его цѣлости, сочиненіе автора страдаетъ важнымъ недостаткомъ.

Юридическая энциклопедія, по опредѣленію автора, есть изложеніе науки права въ ея общихъ основаніяхъ и органическомъ единствѣ (стр. 1); она должна представить науку права какъ живой организмъ, проникнутый одною высшею идеею (стр. 2).

Этого-то органическаго единства сочиненіе и не имѣетъ.

Предпринимая свою работу, авторъ, къ сожалѣнію, задался мыслию «поставить общія понятія о правѣ на почву по возможности положительную и сблизить ихъ съ опредѣленіями законодательствъ».

Положительныя законодательства заключаютъ въ себѣ опредѣленія,

не рѣдко противорѣчація одно другому, а иногда явно неудовлетворительныя и несправедливыя. Стараясь согласить общія понятія о правѣ съ опредѣленіями положительныхъ законодательствъ, авторъ тѣмъ самымъ лишилъ себя возможности прійти къ какому-либо опредѣленному воззрѣнію на право. Оттого сочиненіе его есть только собраніе матеріала, связаннаго внѣшнимъ образомъ, но безъ внутренняго единства, и весь трудъ носить на себѣ печать недоконченности.

Подробный разборъ воззрѣнія автора на право я представляю при семъ въ видѣ особеннаго приложения.

Впрочемъ, какъ ни важенъ указываемый мною недостатокъ, тѣмъ не менѣе сочиненіе автора никакъ нельзя считать работою безплодною. При недостаткѣ въ энциклопедическихъ сочиненіяхъ, которымъ страдаетъ наша юридическая литература, трудъ автора, во всякомъ случаѣ, даетъ возможность интересующимся правомъ ориентироваться въ обширной сферѣ правовѣдѣнія.

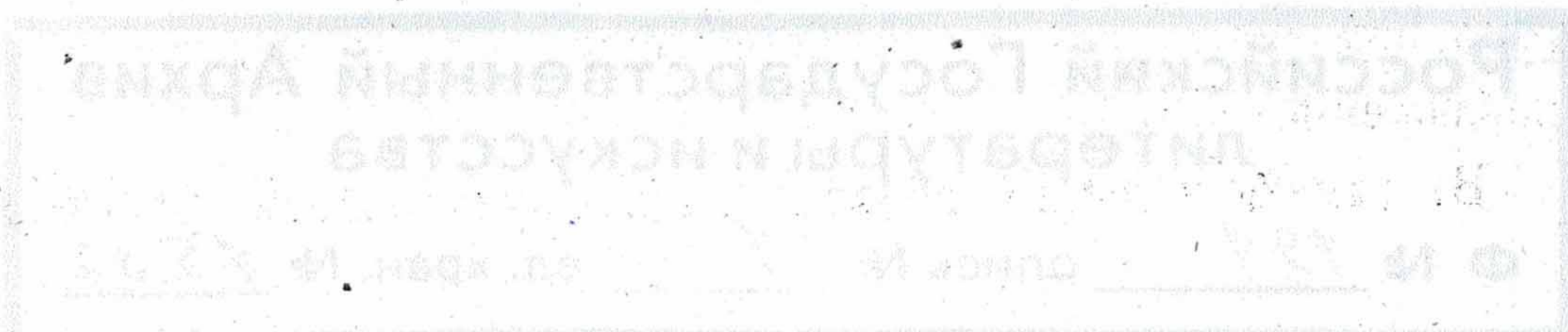
Авторъ запасся огромною массою свѣдѣній, необходимыхъ для его труда; всѣ матеріалы, требуемые предметомъ, онъ собралъ и старался свести въ цѣлость.

Хотя сводъ его, большею частію, неудаченъ, однакожъ въ самомъ сочиненіи читатель находитъ средство повѣрить и исправить автора, потому что по каждому вопросу не только указывается подробно и полно литература прежняя и новѣйшая, но важнѣйшія положенія писателей приводятся даже цѣликомъ.

Поэтому я полагаю, безъ малѣйшаго колебанія, что разбираемое сочиненіе даетъ автору право на докторскую степень.

Проф. Незабитовскій.

5 апрѣля
1868 г.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Въ мнѣніи, представленномъ мною факультету о сочиненіи профессора Ренненкампа «Очерки юридической энциклопедіи», я замѣтилъ, что сочиненіе это не имѣетъ внутренняго органическаго единства по отсутствію какого бы то ни было опредѣленнаго воззрѣнія на право.

Въ настоящемъ приложеніи я считаю нужнымъ указать самыя основанія, которыя привели меня къ такому замѣчанію.

I.

Въ юридической энциклопедіи первый и главный вопросъ—что такое право?

Авторъ «Очерковъ юридической энциклопедіи» желаетъ, не предлагая готоваго опредѣленія права, составить его, такъ сказать, на глазахъ читателя.

По мнѣнію его, всѣ попытки уяснить существо идеи права были безуспѣшны, потому что писатели создавали понятіе о правѣ а priori, и, неограничиваемые положительнымъ матеріаломъ, вносили въ свои опредѣленія или только отдѣльныя черты права или содержаніе произвольное (стр. 22).

»Въ кругу человѣческихъ общественныхъ явленій есть,—говоритъ онъ,—цѣлая область отношеній, предписаній, учрежденій, имѣющая свои самостоятельныя характеристическія черты и которая извѣстна подъ названіемъ права. Для уясненія понятія о ней, необходимо обратиться къ этимъ чертамъ и свести ихъ къ одному началу« (стр. 23).

Отсюда надобно заключать, что, для избѣжанія неудачи, постигшей попытки другихъ писателей, разсуждавшихъ о правѣ а priori, авторъ намѣренъ оставить апріорическій путь и обратиться къ опыту и наблюденію.

Въ этихъ, конечно, видахъ сначала указываетъ онъ характерис-

тическія черты права, а опредѣленіе его представляетъ потомъ, какъ сводъ этихъ чертъ.

Такъ какъ характеристическія черты, приводимыя авторомъ, онъ считаетъ матеріаломъ, изъ котораго должно быть составлено понятіе права: то я останавлиюсь на нихъ съ особеннымъ вниманіемъ.

Характеристическихъ чертъ права авторъ насчитываетъ семь. Я перечислю ихъ здѣсь и постараюсь при этомъ, на сколько можно, уяснить мысль автора, потому что, говоря вообще, способъ изложенія въ «Очеркахъ» недостаточно точенъ и опредѣлителенъ.

Первая черта. «Право есть тамъ, гдѣ есть общество; гдѣ нѣтъ людей и общества, тамъ нѣтъ права».

Выражаясь яснѣе, проще и короче, это значитъ: право существуетъ только въ обществѣ.

Вторая черта. «Право есть законъ общественный и простирается главнымъ образомъ на общественную сторону чловѣка; міръ личный не входитъ въ право».

Комментируя эту черту, я нахожу въ ней слѣдующій смыслъ:

Право есть законъ общественный, то-есть, установленный обществомъ. Законъ этотъ хотя и распространяется главнымъ образомъ на общественную сторону чловѣка, но не ограничивается ею, а касается и міра личного. Это есть, слѣдовательно, правило не только для общественной стороны чловѣка, но, по крайней мѣрѣ отчасти, и для личного міра его.

Третья черта. «Право имѣетъ задачей установить порядокъ въ обществѣ, доставить людямъ возможность совмѣстными силами достигать всѣхъ разумныхъ цѣлей жизни».

Другими словами: Устанавливая законъ или право, общество имѣетъ въ виду водворить у себя порядокъ или такое состояніе, которое позволяетъ при осуществленіи всѣхъ разумныхъ цѣлей жизни не ограничиваться одиночными только усиліями, а даетъ возможность дѣйствовать силами совмѣстными. Слѣдовательно, цѣль и задача права—сдѣлать возможною совмѣстность усилій при осуществленіи цѣлей жизни.

Четвертая черта. «Право обнимаетъ цѣли общежитія не во всемъ ихъ объемѣ и полнотѣ, а только со стороны формальной, и именно въ той степени, въ какой онѣ нуждаются и способны къ юридическимъ опредѣленіямъ».

Общежитіе имѣетъ одну цѣль—содѣйствовать достиженію цѣлей жизни совмѣстностію силъ. А такъ какъ задача права, по третьей чертѣ, заключается въ томъ же, то цѣль общежитія право обнимаетъ вполнѣ.

Мнѣ кажется поэтому, что авторъ здѣсь обмолвился и употребилъ выраженіе *цѣли общежитія* вмѣсто—*цѣли жизни*.

Повидимому, авторъ хотѣлъ выразить въ этой чертѣ слѣдующую мысль: цѣли жизни существуютъ и могутъ достигаться независимо отъ закона общественнаго. Законъ дѣлаетъ только возможнымъ одинъ изъ способовъ достиженія этихъ цѣлей—посредствомъ совмѣстныхъ силъ. Законъ или право касается, слѣдовательно, не предмета и содержанія разумныхъ цѣлей жизни, а формы, въ какой эти цѣли осуществляются. Поэтому право формально.

Такъ, по крайней мѣрѣ я полагаю, нужно понимать эту черту, весьма неясно выраженную авторомъ.

Пятая черта. »Право есть законъ внѣшній, а потому требуетъ для себя внѣшнихъ опредѣленныхъ обнаруженій; мысли, намѣренія и вообще всѣ явленія, необнаружившіяся опредѣленными чертами, не подлежатъ праву«.

Отсюда слѣдуетъ: что законъ или право, въ видахъ общественнаго порядка, регулируетъ какъ дѣйствія въ собственномъ смыслѣ, такъ равно мысли и намѣренія человѣка, коль скоро они обрисовались, выразились опредѣленными чертами, или, говоря проще, сдѣлались явственными и извѣстными обществу. Законъ не распространяется только на такія мысли и намѣренія, которыя ничѣмъ не обнаруживаются. И это естественно: онъ не касается ихъ потому, что они остаются никому невѣдомыми, за исключеніемъ того единственнаго лица, въ глубинѣ души котораго движется мысль или сокровенно шевелится намѣреніе.

Шестая черта. »Законы права суть по преимуществу отрицательнаго характера; только немногія юридическія нормы предписываютъ какія-либо положительныя дѣйствія«.

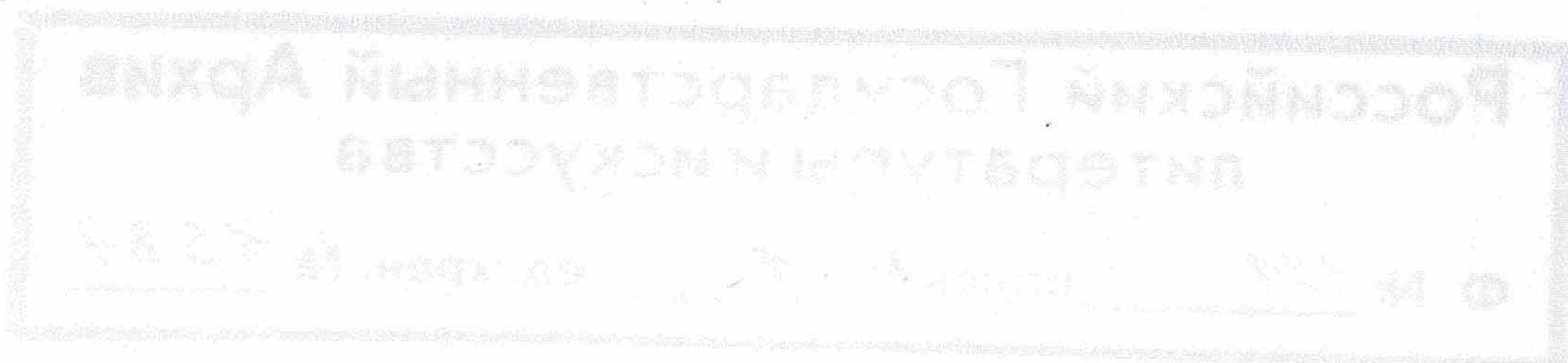
Или, выражая это иначе: Законъ можетъ принимать видъ и запрещенія и повелѣнія, смотря по тому, что требуется общественнымъ порядкомъ. По замѣчанію автора, большею частію законъ запрещаетъ извѣстныя дѣйствія, обнаруженіе извѣстныхъ мыслей, проявленіе извѣстныхъ намѣреній; бываетъ однакожь, что онъ и предписываетъ из-

По случаю увольнения въ отпускъ на вакант-
ное въ Общезъ Собраніи Государственнаго Со-
вѣта время статсъ-секретаря, тайнаго совѣтника
Сольскаго, исправленіе должности Государ-
ственнаго Секретаря Высочайше возложено на
статсъ секретаря Государственнаго Совѣта, дей-
ствительнаго статскаго совѣтника **Реннен-**
манна. *Пут. к. 16/10/67, 1128*

Кіевъ, 14-го февраля.— Въ «Кіевлянинъ» напечатано письмо находящагося въ командировкѣ ординарнаго профессора Николая Ренненкамфа, отъ 5-го января 1869 года, изъ Венеціи, на имя совѣта университета св. Владиміра. Къ своему письму г. Ренненкамфъ прилагаетъ жизнеописаніе и списокъ трудовъ Іосифа Эрбена, состоящаго нынѣ профессоромъ высшей реальной школы чешской и доцентомъ статистики въ политехническомъ пражскомъ институтѣ и изъявившагося готовность занять должность лектора славянскихъ нарѣчій въ университетѣ св. Владиміра, совѣтуя университету ходатайствовать объ учрежденіи при университетѣ особаго лекторства славянскихъ нарѣчій и о приглашеніи на эту должность г. Эрбена. *Слѣд. 7. 20 ф. 1869. 151*

вѣстныя дѣйствія, а, вѣроятно, также мысли и намѣренія. Характеристическая черта права въ семь случаевъ состоитъ именно въ томъ, что законъ общественный не связанъ необходимо тою или другою, положительною или отрицательною формою.

Седьмая черта. »Право въ случаѣ нужды прибѣгаетъ къ принужденію«, то-есть, общество, установляя законъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, для огражденія его, направляетъ противъ непослушныхъ физическую силу.

Таковы черты, отличающія, по свидѣтельству автора, право.

Не извѣстно, почему число ихъ ограничено только семью. Судя по замѣчаніямъ, попадающимъ въ »Очеркахъ«, ихъ слѣдовало-бы показать больше. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ (стр. 35) авторъ говоритъ: »Право устанавливаетъ общія обязательныя нормы, обсуживаетъ отношенія одного рода по ихъ общимъ признакамъ; а нравственность дѣйствуетъ какъ личный долгъ, обсуживаетъ индивидуальности случая«. Или въ другомъ мѣстѣ (стр. 38): »Общество не можетъ управляться одними нравственными началами, потому что люди, живущіе въ немъ, нуждаются въ порядкѣ общемъ, опредѣляющемъ не индивидуальныя положенія (за немногими исключеніями), но цѣлыя категоріи лицъ и отношеній«.

Если право, дѣйствительно, не касается индивидуальностей случая, а устанавливаетъ только общія нормы, то это—черта въ высшей степени характеристическая, и авторъ напрасно не указалъ на нее.

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ авторомъ чертъ съ перваго же взгляда вызываютъ сомнѣніе.

Первая черта, напримѣръ, заключаетъ мысль, что право существуетъ только въ обществѣ, а внѣ общества нѣтъ и права.

Въ ученой юридической литературѣ мысль эта сдѣлалась общимъ мѣстомъ, но въ жизни она никогда не была принята и постоянно отвергалась общепринятымъ убѣжденіемъ.

Исторія свидѣтельствуешь, что насиліе, грабежъ, война, очень часто составляли первый шагъ къ знакомству и сближенію между людьми, которые до того времени жили внѣ всякой связи другъ съ другомъ 1). Грабежъ, насиліе относительно кого бы то ни было обыкновенно считаютъ обидою, разумѣя подъ этимъ дѣйствіе несправедливое, несогласное съ правомъ.

1) Ср. Laurent, Hist. du droit des gens. I, p. 23 и слѣд.

Обыкновенное, общепринятое убѣжденіе допускаетъ, слѣдовательно, что одинъ человѣкъ можетъ поступить съ другимъ не по праву даже и въ томъ случаѣ, когда они еще не связаны никакими общественными узами, — что право существуетъ и для тѣхъ людей, которые еще не составляютъ общества, т. е. тамъ, гдѣ нѣтъ общества.

Шестая черта, показываетъ, что право или законъ общественный большею частію имѣетъ форму запрещенія, и только въ немногихъ случаяхъ принимаетъ видъ предписанія. А между тѣмъ, казалось-бы, что было-бы правильнѣе сказать на оборотъ; все такъ — называемое публичное право, во всѣхъ возможныхъ его развѣтвленіяхъ, состоитъ изъ предписаній. Кромѣ того общественный законъ иногда является въ формѣ дозволенія, которое нельзя назвать ни запрещеніемъ, ни предписаніемъ.

Седьмая черта говоритъ, что право въ случаѣ нужды прибѣгаетъ къ принужденію. Авторъ прибавляетъ къ этому объясненіе, въ чемъ заключается основаніе такой принудительности права. Но это объясненіе и наводитъ сомнѣніе на правильность этой черты.

Авторъ говоритъ: »основаніе принужденія заключается въ разумной необходимости права. Право оберегаетъ священнѣйшіе интересы людей и не можетъ оставить себя на произволь исполнителей«.

Разсуждая такимъ образомъ, можно сказать совершенно то же не только о правѣ, но и о правилахъ нравственныхъ, религіозныхъ, экономическихъ и пр. Нравственность, религія, хозяйство, тоже имѣютъ разумную необходимость. Нравственность и религія служатъ основою обществъ; разстройство народнаго хозяйства ведетъ къ разрушенію общественныхъ связей. Сомнительно однакожь, чтобы отсюда можно было выводить, что правила нравственности, требованія религіи, указанія политической экономіи, должны быть охраняемы принудительною силою.

Поэтому одно изъ трехъ: или принудительность и въ правду есть характеристическая черта права, но въ такомъ случаѣ основаніе ея нужно искать не въ разумной необходимости права, а въ чемъ-либо другомъ; или же принудительность можетъ быть свойственна не только праву, но также морали, религіи и проч.; или, наконецъ, нѣтъ основанія усвоивать ее не только морали, религіи и проч., но и праву. Но въ этихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ принудительность нельзя уже считать отличительною чертою права.

Спрашивается, откуда авторъ взялъ свои характеристическія черты права?

Основываясь на замѣчаніяхъ автора, которыя приведены выше, надобно предполагать, что онъ наблюдалъ ту область въ ряду общественныхъ явленій, которая извѣстна подъ именемъ права, а приведенныя имъ черты составляютъ результатъ такихъ наблюденій.

Разсматривая, однакожь, ближе самыя черты эти, нельзя не убѣдиться, что такихъ наблюденій или совсѣмъ не было дѣлаемо, или же они производились крайне неправильно.

Наблюдать отличительныя черты чего-нибудь значитъ сравнивать его съ окружающею его близкою средою. Для успѣшности наблюденія, нужно выдѣлить наблюдаемое изъ окружающей его среды; иначе отличительныя черты наблюдаемаго предмета будутъ ускользать, или, что еще хуже, подмѣчаемыя черты могутъ принадлежать совсѣмъ не тому предмету, который наблюдать желаютъ.

Если авторъ желалъ путемъ наблюденія подмѣтить отличительныя черты той области въ кругу общественныхъ явленій, которая называется правомъ, то всего прежде ему надлежало обозначить, какія кромѣ права въ кругу общественныхъ явленій есть еще другія области.

Авторъ этого не сдѣлалъ, а потому ему и нельзя было наблюдать право. Не ориентировавшись предварительно въ кругѣ общественныхъ явленій, авторъ могъ наблюдать не право, а вообще явленія общественныя. Въ этомъ случаѣ, правильно наблюдая, онъ долженъ былъ замѣчать различныя черты общественныхъ явленій, ихъ сходство и различіе, и на этихъ основаніяхъ сортировать ихъ. Результатомъ такого порядка оиятъ было-бы прежде всего раздѣленіе круга общественныхъ явленій на отдѣльныя группы или области, въ ряду которыхъ заключается и право.

Такъ какъ этого результата у автора не видно, то и къ приведеннымъ имъ характеристическимъ чертамъ права трудно относиться съ особеннымъ довѣріемъ.

Какое же употребленіе сдѣлано авторомъ изъ тѣхъ чертъ, которыя имъ указаны?

«Сводя ихъ (эти черты) къ одному общему началу, мы можемъ, — говоритъ онъ, — опредѣлить право, какъ порядокъ жизни отдѣльныхъ лицъ въ обществѣ и порядокъ жизни цѣлаго общества, установленный для разумныхъ цѣлей общежитія» (стр. 23).

Если сравнить это опредѣленіе съ тѣми чертами, изъ свода которыхъ оно составлено, то оказывается, что сводъ сдѣланъ авторомъ неправильно.

Въ опредѣленіи семъ встрѣчается такой элементъ, котораго напрасно было-бы искать въ семи характеристическихъ чертахъ.

Вторая и третья черты указываютъ, что право есть законъ или правило, установленное обществомъ въ видахъ общественнаго порядка; но ни одна черта не говоритъ, чтобы самый порядокъ этотъ былъ правомъ. А между тѣмъ, по опредѣленію автора, право именно есть порядокъ жизни въ обществѣ.

Опредѣленіе свое авторъ считаетъ, впрочемъ, не довольно яснымъ и находитъ нужнымъ пояснить его.

Онъ говоритъ: »При этомъ мы разумѣемъ подъ правомъ не только совокупность нормъ, но и совокупность опредѣляемыхъ ими отношеній, то-есть, право есть не одна только система законовъ, учрежденій, но весь юридическій бытъ, существующій на основаніи и въ границахъ права« (стр. 25).

По первоначальному опредѣленію автора, право есть порядокъ жизни въ обществѣ. Въ объясненіи, напротивъ, право есть уже и совокупность отношеній или, что то же, порядокъ жизни (потому что порядокъ жизни другими словами можно выразить:—совокупность отношеній, изъ которыхъ слагается жизнь), и въ то же время совокупность нормъ или правилъ для сихъ отношеній и для сего порядка.

Путемъ объясненія вносится, слѣдовательно, въ объясняемое опредѣленіе новый элементъ, собственно въ немъ не заключающійся. Отъ этого объясняемое опредѣленіе измѣняется и является совершенно новымъ опредѣленіемъ.

Но и на этомъ новомъ опредѣленіи права авторъ не останавливается. Онъ говоритъ далѣе: »Предложенное опредѣленіе права показываетъ, что право есть только то, что существуетъ какъ законъ, признанный обществомъ« (стр. 26).

Это опять иное опредѣленіе, существенно отличное отъ двухъ предыдущихъ. Въ семъ послѣднемъ опредѣленіи »совокупность отношеній« или »порядокъ жизни« совсѣмъ исчезаетъ, а остается только »совокупность правилъ«, то-есть, элементъ, вкравшійся во второе опредѣленіе путемъ неправильнаго объясненія.

Это послѣднее опредѣленіе сближается отчасти съ семью характеристическими чертами; но только отчасти, а не совсѣмъ.

Изъ свода характеристическихъ чертъ, приведенныхъ авторомъ, выходитъ слѣдующее опредѣленіе права:

Право есть законъ или правило, которымъ общество (черты 1 и 2), въ видахъ общественнаго порядка (то-есть, въ видахъ возможности достигать разумныхъ цѣлей жизни не только одиночными, но и совокупными силами) (черты 3 и 4), предписываетъ или воспрещаетъ своимъ членамъ извѣстныя дѣйствія или проявленіе извѣстныхъ мыслей и намѣреній (черты 5 и 6), подкрѣпляя свои запрещенія и повелѣнія, въ случаѣ надобности, и физическимъ принужденіемъ (черта 7).

Очевидно, однакожь, что это опредѣленіе не сходится ни съ однимъ изъ предложенныхъ авторомъ, ни даже съ третьимъ.

И такъ, авторъ представляетъ три опредѣленія права. По первому изъ нихъ право есть порядокъ жизни въ обществѣ; по третьему— право есть законъ или правило, которымъ водворяется порядокъ въ обществѣ; опредѣленіе второе признаетъ правомъ и порядокъ жизни въ обществѣ и правило, которымъ этотъ порядокъ устанавливается.

Въ этихъ опредѣленіяхъ понятіе права, какъ-бы волшебствомъ, совершаетъ разныя превращенія, пока наконецъ получаетъ тотъ видъ, въ которомъ право означаетъ только то, что существуетъ какъ законъ, признанный обществомъ.

Три опредѣленія права, предложенныя авторомъ, не имѣютъ никакой видимой связи между собою; они существенно различаются другъ отъ друга и не вытекаютъ одно изъ другаго.

Далѣе, опредѣленія эти составлены не путемъ свода того матеріала, который подготовленъ авторомъ для этой цѣли. Слѣдовательно, подготовительная работа оставлена имъ безъ вниманія и предпринималась безъ надобности.

Послѣ этого можно сказать, что у автора совсѣмъ нѣтъ опредѣленія права, потому что онъ даетъ три разныя опредѣленія, да, кромѣ того, четвертое вытекаетъ само собою изъ приведенныхъ имъ характеристическихъ чертъ права, а которое изъ этихъ четырехъ опредѣленій есть настоящее—не указываетъ.

II.

Свое ученіе о правѣ авторъ противопоставляетъ ученію другихъ правоучителей и критикуетъ ихъ.